

№10 1996

ДЖИМ МОРРИСОН

В наше время редко рождаются люди, подобно титанам Возрождения, с легкостью меняющие стилю на резец, а резец - на лиру. Одно из исключений - знаменитый рок-бард, лидер культовой группы "Дорз" ("Двери") Джим Моррисон (1943-1971). Лишь в начале 90-х, с выходом в свет двухтомника посмертно найденных стихов Джима, стало ясно, что он был действительно серьезным поэтом. Сейчас его стихи вошли в моду в университетских кругах Америки и Западной Европы - интеллектуалы зачитываются его поэзией, как раньше "фэнзы" заслушивались его песнями. Автор двух выпущенных за свой счет и оставшихся незамеченными книжечек "Владычи" (1969) и "Новые существа" (1970) проделал в поэзии большой путь, приведший его к вершинам мастерства. В зрелых стихах Моррисона, опубликованных лишь посмертно и представленных в нашей публикации, чувствуется, что автор своеобразно усвоил открытия классиков американской поэзии - Стивена Крейна, Карла Сэндберга и Уильяма Карлоса Уильямса. Вместе с тем, Моррисон привнес в поэзию и нечто новое - его стихи требуют от читателя ассоциативного мышления, активного осмысливания текстов. И мы с готовностью включаемся в эту интеллектуальную игру.

Анатолий Кудрявицкий

МАЙАМИ

Что мне прочесть ей,
что мне прочесть ей
воскресным утром?

Как мне пронять ее,
душу ее тронуть
воскресным утром?

Прочту ей о битвах
с индейцами,

о всадниках, гонимых ветром,
о реках крови,
чтобы она заслушалась,
смягчилась
и все такое
однажды воскресным утром

ПЛОТЬ

Плоть ее уносит мысли плотские
на гребнях волн. Под волосами
белеет кожа голого оттенка,
редчайшего, светлей молочной
пенки.

Когда она встает с постели
и сонно погружается в наш
жизненный бассейн,
моргая, словно на приеме у
хирурга,
танцуя я на плитах Красного,
кровавейшего из морей.

Злодейство начинается в доме, в
кровати.
Оно подобно океанскому отливу,
что с берегом беседует и
скалами. Потом
останутся лишь ветки черные на
том, что было дном.

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ

Сегодня вечером только
поношенную одежду
приношу на себе домой
и слагаю к твоим стопам.
Это жалкая свидетельница
дня разочарований
и трагического уныния.
Надеюсь, я еще на что-то годен.
Отведи меня в спальню,
дай выпить (и помоги лечь в
постель).

* * *

Междуд детством, отрочеством,
юношеством
и зрелостью (совершеннолетием)
всегда есть
четкая линия, проведенная
испытаниями, смертями,
подвигами, песнями,
предрассудками, ложью и
независимостью суждений.

Для тех, кто умер
за Нирвану
за устои небесной веры
за тебя, за меня

Эти строки написаны
чтобы передать весть
чтобы пренебречь
предосторожением
взмыть веселыми голосами
в заоблачные страдания
погрузиться в глубочайшие моря
Верьте
чему-то более ужасному
чем война
чему-то недомолвленному в
сказанных
мучительному вымиранию
исполненных зверей.

ЭТО ДАЕТСЯ ПРОСТО

Уроки, как сделаться
революционером
позором
(пророком!)

или поэтом

Всегда найдутся хорошие друзья -
успокоят, помогут.
Торгашеский каприз
для них - словно приз

Сперва стань
мечтателем-ученым,
в биохимии и радио подкованным
вполне,
ловцом жемчуга на небесном дне
Затем побывай у местного финансового гения (он подскажет,
как сеять семена сомнения)

* * *
Дети верят
в мужчину, говорящего:
все будет хорошо

Ищите его, спокойного спасителя,
ветерана войн неутолимой
алчности. Ищите спокойного
спасителя.
Бог в помощь, и да простит вас
утренняя звезда,
дева душистого луга.

* * *
Забавно -
я все еще жду
стука в дверь
что ж, такова
награда за жизнь
среди людей
какого стука? того, что
развеет мои иллюзии и мечты
 лишит достоинства и покоя
сведет на нет усилия горемыки
поэта
избежать тисков беллетристики
конъюнктуры
и репортажа.

Переводы А.Кудрявицкого

ДЭВИД МЭНИКАМ

Канадский поэт Дэвид Мэнникам относительно молод - он родился в 1960 году. Он не скрывает своего преклонения перед русской культурой. Последние несколько лет Дэвид прожил в Москве. Знакомство с русской литературой многое дало ему как поэту. Его стихотворение "Смерть Мандельштама" - пронзительная метафора взаимоотношений "неангажированного" властью поэта и его суровой "матери" - нашей неласковой к поэтам Родины. Мне кажется, Мэнникам попал как раз в "болевую точку" - не зря говорят: "издалека виднее".

Анатолий Кудрявицкий

СМЕРТЬ МАНДЕЛЬШТАМА

Бросив на произвол судьбы
детей своих
в ларце задвинутом в дальний
ящик комода
в доме с закрытыми ставнями
мать оставила там
инкрустированное жемчугом
зеркало
вглядывающееся во тьму.

ЧАЙКИ ОСЕНЬЮ

В сорока милях к северу от
озера Эри.
оксфордская осень: хрупкие
желто-коричневые колосья
клонятся тяжелой бахромой к
земле.
Подняв воротник теплой куртки,
в последний раз перед зимой
чиню ограду.
Глухие удары по кольям, тембр
серого неба.

На изгороди маленькие птички
взволнованно чирикают,
живой лентой мелькают перед
глазами.

Последний кленовый лист
снижается бумажным голубем,
трепещет, как флагшток над
крышей опустевшего шапито,
порхает по безлюдному городу,
возвещая воцарение в душе
нового времени года.

Отец разбрасывает сено по
лугу,

возвращает почве покров,
испещренный тенями
укорачивающихся дней,
надевает сухую кожуру на
черный плод весны.

Только теперь могут они
появиться
с дымного неба, снизиться,
покачиваясь,-

белые чайки, вслед за острыми
лезвиями плугов припадающие
к полосе пахучей земли.

Странные создания,
похожие на белые голыши у
моря,
одетые в лохмотья облаков,
безмятежно обменивающиеся
возгласами.

Выпадают из зеркала небес и
озер,
выхватывают червей из
борозды.

Когда отец запирает на зиму
калитку забора вокруг поля
в сорока милях к северу от
озера Эри,

волшебницы-чайки кружат
в танце первых снежинок
над темными бороздами и
комьями земли,

затем исчезают там же,
откуда появились,-
в белых пятнах на карте,-
оставляя по себе
аромат сна. На
вечереющем лоне природы
моя голова, забывшая к
середине жизненного пути,
откуда все начиналось.

ИГРЫ НА БЕЛОЙ ДОСКЕ

Бледные зимние лучи на
моем столе
высвечивают рваный край
конверта
с иноземным шепотом
одного из ее редких писем.

Снег не выпадал
неделями;
под окном в
междуусобной битве следов
прорубают себе путь
новые тропинки,

разбегающиеся во все
стороны
и пропадающие из вида.
Некоторые четкие, как
строки,
линии все же утверждают
себя -

последние издания,
черные отпечатки
наискрецавшейся белизне
поля. Далекие дымки
над зелеными медными
крышами поднимаются

до одной и той же
высоты, сверкают
голубым отливом и
исчезают
в устье невидимой трубы.
Мой взгляд

блуждает вдоль границы
видимого.
Наблюдаю за медленно
ползущей тенью,
вслепую разрезающей
исписаный лист.

Вслепую? Ежась от холода
в теплой комнате,
я закрыл глаза. Налетела
тьма, оцепенение
скользнуло ко мне по
льду.

Переводы
А.Кудрявицкого